

Кавелин Константин Дмитриевич

Собрание сочинений К. Кавелина

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К65

К65 **Константин Дмитриевич К.**
Собрание сочинений К. Кавелина: Том 4 / Кавелин Константин Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 680 с.

ISBN 978-5-519-87493-9

ISBN 978-5-519-87493-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЭТНОГРАФІЯ И ПРАВОВѢДѢНІЕ.

БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА.

Соч. А. Терещенки. Спб. 1848. Въ семи частяхъ.

I.

Книга г. Терещенки имѣтъ двѣ стороны, которыя непременно надо различить, чтобы получить о ней правильное понятіе и оцѣнить ее безпристрастно. Во-первыхъ, она представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраній матеріаловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти матеріалы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простаго народа, непосредственныхъ, живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему, интересующихся предметомъ. При быстромъ исчезаніи старыхъ обычаевъ, увѣковѣченіе такихъ наблюденій печатью — заслуга немаловажная, за которую нельзя довольно благодарить автора. Для исторіи нашего языка, гражданственности, образованія, для изученія древнѣйшаго русскаго быта, собраніе г. Терещенки — драгоцѣнное приобрѣтеніе и вмѣстѣ съ трудами гг. Сахарова, Максимовича, Снегирева, Даля, Кирѣевскаго должно быть настольной книгой русскаго археолога, историка и филолога. Но, составляя свою книгу, г. Терещенко не думалъ ограничиться однимъ сообщеніемъ матеріаловъ. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ претензіи на трудную роль самостоятельнаго систематическаго изслѣдователя и критика. Г. Терещенко не только собралъ матеріалы: онъ ихъ обрабатываетъ, располагаетъ извѣстными образомъ, объясняетъ, дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Эта вторая сто-

рона книги весьма слаба. Скажемъ болѣе: она ниже посредственности. Самые простые законы исторической критики неизвѣстны автору; какъ изслѣдователь, онъ безпрестанно впадаетъ въ самыя забавныя ошибки. Будучи, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ теперешнимъ простонароднымъ бытомъ, онъ нисколько не воспользовался этимъ знаніемъ, и оно ему нисколько не послужило къ открытію его главныхъ, характеристическихъ чертъ. А открыть ихъ было не такъ трудно при множествѣ собранныхъ данныхъ, ярко освѣщающихъ туземные письменные памятники старины и отрывочныя, разновременныя свидѣтельства иностранныхъ писателей и путешественниковъ по славянскимъ землямъ. Народные обычаи, у насъ и вездѣ, удерживаются весьма долго. Потерявъ первоначальное живое значеніе, они преобразуются въ символы, обрядовыя дѣйствія, и въ этомъ видѣ сохраняются народами въ продолженіе многихъ вѣковъ. Ихъ первоначальный смыслъ наконецъ исчезаетъ, часто влггается въ нихъ новый смыслъ, болѣе соответствующій настоящимъ понятіямъ и быту народа, хотя и невѣрный, произвольный; но они все-таки повторяются потомками и для исторической критики служатъ драгоцѣнными матеріалами при восстановленіи отдаленнѣйшей древности, первоначальнаго быта, отъ которыхъ не осталось ни письменныхъ памятниковъ, ни преданій. По указаніямъ этихъ обрядовыхъ, символическихъ, торжественныхъ дѣйствій можно прослѣдить внутреннюю жизнь народа, ея постепенныя измѣненія, вліяніе раз-

личныхъ элементовъ, приводившихъ въ нее извнѣ или вызванныхъ внутреннимъ послѣдовательнымъ развитіемъ. Г. Терещенко не обратилъ никакого вниманія на это значеніе обычая; кажется, онъ его и не подозрѣвалъ. Никакого единства, цѣлости въ трудѣ, кромѣ единства предмета, которое не зависѣло отъ автора; никакого взгляда, и потому отсутствіе плана въ расположеніи цѣлаго и частей, отсутствіе мысли въ изслѣдованіяхъ. Выходитъ, что авторъ оказалъ бы великую услугу, еслибъ скромно и добросовѣстно ограничился изданіемъ однихъ матеріаловъ, не подбѣживая къ нимъ своихъ разсужденій. Послѣднія совершенно бесполезны, ни къ чему не ведутъ, нерѣдко искажаютъ факты. Дѣйствительно, разглагольствованіями авторъ часто заслоняетъ отъ читателей живой источникъ, откуда черпалъ данныя, такъ что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, что погрѣе народа, что соображенія, не всегда глубокомысленныя, г. Терещенки.

Это обстоятельство, а именно, что авторъ приступилъ къ дѣлу непрigотовленный, безъ научнаго взгляда, безъ критики, безъ достаточнаго изученія, конечно, и было причиною, почему его книга не заняла почетнаго мѣста въ нашей исторической литературѣ и осталась мало замѣченной. Нѣкоторые критики были къ ней даже несправедливы, обративъ исключительное вниманіе на ея слабую сторону; къ счастью, есть и друи, которую мы усердно рекомендуемъ читателямъ. То, что почерпнуто изъ народнаго быта—описанія праздниковъ, хороводовъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, игръ и т. д.,—такъ важно и содержитъ такіе богатые матеріалы для узнанія теперешней и давно прошедшей нашей жизни, что мы позволимъ себѣ войти въ подробное разсмотрѣніе книги г. Терещенки.

Она раздѣляется на семь частей. Въ первой говорится о народности, жилищахъ, домоводствѣ, нарядѣ, образѣ жизни, музыкѣ; во второй—о свадьбахъ, въ третьей—о времечисленіи, крещеніи, похоронахъ, поминкахъ, Дмитріевской субботѣ; въ четвертой—о забавахъ, играхъ и хороводахъ; въ пятой—о простонародныхъ обрядахъ: первомъ марта, встрѣчѣ весны, красной горкѣ, радуницѣ, запашкѣ, кукушкѣ, купалѣ, прилѣ, обжинкахъ, бабь лѣтѣ, братчинахъ; въ шестой—объ обрядныхъ праздникахъ: недѣлѣ Вай, Паскѣ, русальной недѣлѣ, семикѣ, Троицынѣ днѣ, пер-

вомъ апрѣля, первомъ мал; наконецъ въ седьмой—о святкахъ и масленицѣ.

Изъ этого перечня содержанія книги г. Терещенки видно, что программа его обширна. Онъ задумалъ огромный трудъ, почти невыполнимый для одного человѣка. Кто не знаетъ, какихъ средствъ и усилій нужно для собранія однихъ матеріаловъ! Сверхъ того авторъ не опредѣлилъ границъ, не уяснилъ себѣ предмета предпринятой работы, и этимъ создалъ самъ для себя новыя трудности. Хотѣлъ ли онъ подробно описать бытъ русскаго народа, какимъ мы его видимъ, или думалъ прослѣдить этотъ бытъ и исторически до нашего времени, заимствуя данныя о прошедшемъ изъ книгъ, о теперешнемъ—изъ живыхъ обычаевъ и обрядовъ? Далѣе, входило ли въ его планъ изложить только бытъ собственно коренно-русскій, или и всѣ тѣ измѣненія, которыя въ немъ произошли вслѣдствіе постороннихъ вліяній, особенно европейскаго? Эти вопросы вовсе не обратили на себя вниманія г. Терещенки; онъ объ нихъ и не думалъ, принимаясь писать книгу. Этотъ недосмотръ, ошибка—отозвались въ его трудѣ. Въ одной главѣ находимъ только описаніе стараго, по письменнымъ источникамъ, въ другой—только теперешняго, на основаніи непосредственныхъ наблюденій и замѣтокъ. Вообще авторъ не охотникъ до новыхъ обычаевъ; старые кажутся ему лучше, и онъ ихъ описываетъ съ особенною любовью. Согласны, этотъ взглядъ имѣетъ свою полезную сторону, побуждая собирать и сохранять въ печати, для будущихъ изслѣдователей, то, что съ каждымъ днемъ уходитъ и изглаживается. Но г. Терещенко описываетъ же мѣстами и новизну. Только эта новизна у него неполна, не обнимаетъ всѣхъ слоевъ общества и, какъ по всему замѣтно, списана не съ высшаго круга. Будъ разбираемое нами сочиненіе не болѣе какъ собраніе матеріаловъ, мы бы не обратили вниманія на эту неполноту и сказали спасибо и за то, что нашли; но авторъ хочетъ быть изслѣдователемъ, розыскателемъ, слѣдовательно заставляетъ быть требовательнымъ. Въ систематическомъ разсужденіи такая неопредѣленность—важный недостатокъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало остаться вѣрнымъ главной, хотя и не высказанной задачѣ; слѣдовало описать обычаи простого народа, прослѣдить ихъ въ прошедшемъ, сколько позволяютъ источники, и пожалуй, ихъ измѣненія или иска-

женія въ тѣхъ классахъ, которыхъ европейское вліяніе коснулось слегка; о привычкахъ и образѣ жизни образованныхъ слоевъ общества, менѣе извѣстныхъ автору, можно бы и не говорить вовсе; читатели не стали бы жалѣть объ этомъ, да и наука бы ничего не потеряла.

Разсматривал, далѣе, программу, мы находимъ, что она и неполна по заглавію книги: „Быть русскаго народа“, и совсѣмъ безсвязна. Она неполна, потому что въ ней нѣтъ отдѣла для пословицъ, пѣсенъ, поговорокъ — этихъ неразлучныхъ спутниковъ русскаго человѣка; нѣтъ еще и многого другого, что составляетъ быть народа. Она безсвязна, потому что нельзя никакъ понять, на какомъ основаніи г. Терещенко дѣлитъ свое сочиненіе на части, части на главы; почему народность составляетъ особенную главу, тогда какъ вся книга — картина русской народности, почему братчины, записки, обжиганья отнесены къ числу простонародныхъ обрядовъ; почему всѣ народныя праздники отнесены къ этому отдѣлу, а хоробы, свадьбы, похороны не отнесены, какъ будто и они не сопровождаются простонародными обрядами, не суть простонародныя обряды. Такихъ почему, при разсмотрѣніи программы г. Терещенки, множество приходитъ въ голову. Довольно и этихъ. Они достаточно обнаруживаютъ, что сочиненіе написано безъ мысли, безъ систематическаго взгляда на предметъ, безъ критической оцѣнки обрядовъ простого народа, что мы ужъ и прежде сказали.

Надобно замѣтить, что предисловіе автора скромнѣе его книги, и это остановится на немъ, на предисловіи, тотъ назоветъ насъ и слишкомъ строгими и придирчивыми. Судя по послѣднему, г. Терещенко „имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслью: трудъ не по силамъ. Эта мысль, дѣйствительно справедливая, отнимала всякую надежду приступить когда-нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, онъ рѣшился начертить его въ бытѣ русскаго народа. Не безъ робости представляетъ онъ его своимъ соотечественникамъ“ (стр. III). Въ томъ же предисловіи авторъ говорить, что „изложить бытъ народа, сколько можно съ должною вѣрностью, нѣтъ возможности одному человѣку: это трудъ многихъ“. Поэтому онъ „старался представить его сколько могъ по своимъ силамъ, и отнюдь не думаетъ, чтобы его трудъ не былъ

измѣненъ, даже въ самое короткое время“ (стр. VI). Но въ книгѣ этого скромнаго тона, этого недовѣрія автора къ своимъ силамъ мы уже не находимъ: тутъ онъ судитъ и ридитъ смѣло, рѣшительно; подумавъ, подъ названіемъ „бытъ русскаго народа“ авторъ издалъ курсъ нравственности и психологіи; нѣкоторыя статьи даже какъ будто цѣликомъ взяты изъ какой-нибудь фізіологіи женскаго сердца и попали сюда ошибкой. Ясно, предисловіе — вѣжливая фраза, обыкновенная, условная свѣтская любезность, обращенная къ публикѣ, — никакъ не болѣе. Этому мы увидимъ не одно доказательство.

Мы сказали, что предметъ первой главы — народность. Это слово такъ объемисто, со вмѣщаетъ въ себѣ столько различныхъ значеній, что едва ли можно сказать что-либо дѣльное, основательное о народности на какихъ-нибудь полтора-два страницахъ разгипстой печати. Народность — цѣлая исторія народа со всѣми ея сторонами, цѣлая народная жизнь, во всѣхъ ея выраженіяхъ. Мы думаемъ, лучше было бы вовсе не посвящать народности особой главы. Авторъ думаетъ иначе. Чѣмъ же онъ наполнилъ эту главу?

А вотъ посмотримъ.

Сначала авторъ говорить о различіи людей вслѣдствіе климатическихъ вліяній, — различіи, которое выражается въ чертаніи лица и образованіи тѣла. По этимъ признакамъ онъ дѣлитъ весь человѣческій родъ на пять расъ, или породъ, и описываетъ ихъ. Почему онъ остановился именно на той системѣ, которая принимаетъ пять породъ, — мы не знаемъ. Обыкновенно писатели излагаютъ сперва главныя классификаціи человѣческаго рода и ужъ въ заключеніе обмисляютъ, какой опи сами придерживаются. Пока вопросъ окончательно не уясненъ, такая метода самая естественная и потому самая лучшая. Автору она вѣроятно почему-либо не нравится. Но это бы еще ничего; а вотъ что странно: вслѣдъ за описаніемъ породъ говорится на полутора страничкахъ, что славяне принадлежатъ къ кавказскому племени и старожилы въ Европѣ, а потомъ авторъ прямо переходитъ къ описанію ихъ свойствъ. Въ книгѣ, посвященной быту русскаго народа, старожитность славянъ въ Европѣ, ихъ отношенія къ другимъ расамъ, ихъ раздѣленіе на племена и раселеніе, конечно, должны бы обратить на себя нѣкоторое вниманіе. Еслибъ г. Терещенко даже увлекся тутъ подробностями, и ничего не ска-

заль о раздѣленіи цѣлаго человѣческаго рода — все было бы простительнѣе, чѣмъ повсе не говорить о славянскомъ племени. Чтобы читатели могли составить себѣ понятіе о томъ, какъ авторъ принимается за ученые вопросы, вотъ образецъ:

„Конечно, мы ничего не можемъ сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они жили тогда, или чтобы славялись уже своими дѣлами; но то должно быть достоверно, что они издревле заселили Европу, и по этому суть коренные европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что славяне наружностію и умомъ ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ кореннымъ европейцамъ—германцамъ и франкамъ; что они очеркомъ лица, близкою тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе европейцы; что они, въ первые столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибли отъ раздоровъ иноземныхъ, но и среди лютыхъ испытаний и переворотовъ не упали духомъ,—были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, своими вѣковыми несчастіями, продолжили путь къ будущему величію ихъ потомковъ“.

(Т. I, стр. 5 и 6).

Эти ничего не значація слова — безъ малаго все, что сказано о происхожденіи славянъ. Свойства ихъ описаны не лучше; нѣсколько выписокъ изъ древнѣйшихъ туземныхъ и иностранныхъ сказаній о полудикомъ бытѣ этого племени конечно не даютъ еще ни малѣйшаго понятія о его свойствахъ. Да и старая манера описывать свойства народа давно ужъ брошена, потому что не ведетъ ни къ чему и не характеризуетъ нисколько народа. Въ разные эпохи, при разныхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же народъ такъ измѣняется, что его едва можно узнать. Примѣровъ много. Описать свойства народа значить написать его исторію, а не начинить книгу выбранными наудачу характеристиками, часто случайными, пристрастными, односторонними, составленными за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, по поверхностному знакомству съ народомъ чужеземцевъ и подъ влияніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Какъ мало вѣсѣть такіе описанія свойствъ, видно ясно изъ книги г. Терещенки. Славяне, по его описанію, были добродушны, гостепріимны, кротки, воинственны, храбры, набожны, любили пѣсни, музыку, пляску. Прекрасно! Но какъ составить себѣ по этимъ признакамъ хоть какое-нибудь понятіе объ отличительныхъ чертахъ славянскаго племени? Сколько народовъ имѣютъ описанные свойства? Наконецъ, они — общіе если не всѣмъ, то навѣрное большей части

народовъ въ первобытномъ состояніи.—Слѣдующее за тѣмъ описаніе свойствъ русскихъ славянъ составлено совершенно въ томъ же тонѣ, и потому мы надъ нимъ не останавливаемся. Замѣтимъ только, что, описавъ эти свойства, авторъ рассказываетъ, какъ прекрасны качества нашихъ предковъ были искажены и уничтожены татарскимъ игомъ, какъ, спустя двѣсти лѣтъ, началось возрожденіе, и наконецъ новыя бѣдствія, въ началѣ XVII вѣка, насъ возвеличили. Потомъ говорится о веселости, неизмѣнномъ свойствѣ русскихъ, о народности, сохранившейся въ древнихъ сочиненіяхъ. „Въ первыхъ вѣкахъ нашей гражданственности—говоритъ авторъ—познанія тѣсно сливались съ народностію, могуществомъ, роскошью, изобиліемъ, удалствомъ и силою“ (стр. 45). Эта не совсѣмъ понятная фраза подаетъ ему поводъ привести отрывокъ изъ пѣсенъ Кириши Давилова, въ сокращеніи рассказать теперешнимъ языкомъ „Слово о полку Игоревѣ“ и бросить нѣсколько словъ о древнемъ, преимущественно духовномъ, просвѣщеніи. Въ слѣдующей за тѣмъ статьѣ, подъ заглавіемъ: „непоколебимости народа и его слава“, риторически, по образцу Кайданова, рассказана русская исторія XVIII—XIX вѣковъ на одиннадцать страницъ. Нѣсколько озадаченный всѣмъ этимъ, читатель смиренно слѣдуетъ за авторомъ, не зная куда онъ его ведетъ. Наконецъ вотъ, кажется, и пришли къ желанной цѣли. Рѣчь идетъ о „дѣйстви народности“.

„При всѣхъ переворотахъ гражданственности, русский любилъ богатія одежды и роскошь, гордился своимъ хлѣбосольствомъ и нѣгой. Любилъ травить зѣбры и не боялся идти на него, прямо, съ однимъ топоромъ или съ рогатиной; тѣшился плясками и веселил себя пѣснями. Въ самомъ горѣ онъ услаждалъ себя ими: пѣвалъ почти безумно. И теперь онъ тотъ же самый: работаетъ ли онъ, или сидитъ въ праздничный день у воротъ своей избы, поетъ и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины, дороги для его сердца, все сочувствуетъ съ нимъ, все ему знакомо. Голубое небо, убоишныя поля душистыми цвѣтами, нѣжные плоды южныхъ жителей, не производятъ въ душѣ его столько сладкихъ воспоминаній, какъ сумрачный день, свѣтъ бури и сибирскія долины; они напоминаютъ ему родное. Воздухъ морозный, зелень дикая, могилы его предковъ, гробы его родныхъ, все тутъ его! Его предки тутъ родились и уснули,—и онъ здѣсь уснонится съ ними. Конечно, испытывать тѣлу вездѣ все равно, по ложится праху среди родныхъ, на своей родинѣ, усладительно для памяти: она не умираетъ, переходитъ по наслѣдству, но чувству безсмертія, и самый прахъ оживаетъ тогда! — И дикіе звѣри и хищныя птицы, знаютъ свое рожденіе, свое

гнѣдо, берегутъ и защищаютъ его поилемъ, ремомъ и стопомъ. А человекъ, царь природы, не постоитъ за свою родину! Это чудовище, а не гражданинъ, и прогнавшаго его на свѣтъ должна проклясть день рождения! Ничъ въ мірѣ ни одной близинки, ни одного наѣкомаго, которое бы не любило бы свою родину. Пересадите растеніе въ страну ему не свойственную, оно зачахнетъ и умретъ. Перенесите самое презрѣнное наѣкомое въ область ему чуждую, оно не перенесетъ потерю своего отечества; и самое презрѣнное любить свою землю! Ничъ ничего въ природѣ, что бы не дорожило своимъ собственнымъ, не любило бы и самыя странности, но только свои. Онъ страны дѣлѣхъ, которые рождены съ каменнымъ сердцемъ, чугуннымъ разсудкомъ, ледянымъ умомъ. Но и самый ледъ, перенесенный въ теплую страну, таетъ, — онъ таетъ отъ любви къ своему сѣверу: разрушается и оставляетъ слезы. Все плачетъ, все рыдаетъ по своему родному, по своей жизни! Магнитъ устремляется на сѣверъ и указываетъ каждому: вотъ гдѣ мое отечество. Не разлучайте меня съ нимъ! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мнѣ любовь“ (Т. I, стр. 68—70)...

„Никогда русский не потерпитъ, чтобы кто наругался надъ его святыней. Уже тотъ непримиримый мой врагъ, кто посягаетъ на его православіе,—и горе супостату! Съ православіемъ тѣсно связано отечество. Кто нападаетъ на его вѣру, тотъ нападаетъ на его отечество, потому прежде надобно истребить вѣру, чтобы, не говоря, уничтожить народъ, даже завладѣть имъ! Намѣстие французовъ въ 1812 г. никогда не могло бы достигнуть цѣли, — цѣли завоеванія Россіи, потому что они были враги православной вѣры. Положимъ даже, что они могли бы имѣть торжество надъ нами, и повелѣвать имперією! но, на долго ли?—Это торжество обрушилось бы къ погибѣли вѣстелиновъ. Рано или поздно, но русские не снесли бы иноземнаго владычества. Скажутъ, какъ же татары господствовали надъ нами болѣе двухъ сотъ лѣтъ? Какъ мы терпѣли это? — Татары господствовали надъ нами потому, что наши князья безпрестанно находились въ междоусобныхъ раздорахъ, изъ личныхъ выгодъ; но религія была покровительствуема самими угнетателями, для того только, чтобы усыпить насъ. Когда же укрѣпилась единодержавная власть, тогда всѣ кончились каголы. Доколы пребудетъ единство чувствъ и согласія, доколы благотѣльное самодержавіе будетъ управлять нами,—дотолъ никто не овладѣетъ Россією!“ (Т. I, стр. 72 и 73)...

„Мѣстная потребности, привязанности къ своей землѣ, есть физическая народность, а не нравственная. Нравственная народность выше всякаго могущества; она всегда неразумна съ господствующимъ языкомъ; но у насъ имъ говорить по всѣмъ отдаленнымъ концамъ обширной монархіи... Языкъ сближаетъ всѣхъ, лѣгкая слухъ и народную гордость, по гдѣ говоритъ сердце или умъ, тамъ образцы вкуса и ума; гдѣ, кипитъ страсти, тамъ унижается небесный даръ слова; гдѣ чистый пламень мыслей, тамъ присутствіе добраго геія, котораго вдохновеніе всѣ раздѣляемъ невольно: оживаемъ въ его дыханіи, возносимся въ его напеліи, — и чье сердце можетъ быть безчувственнымъ къ трогательнымъ звукамъ слова?—Даже простого, обыкновеннаго, но дивно несмысленнаго своего родного... Звѣри узнаютъ другъ друга, въ страдномъ рычаніи, и не

терзаютъ; птицы привѣтствуютъ птицъ, пріятнымъ для нихъ щебетаніемъ; змѣи и гады ползутъ другъ къ другу на снѣсть и шипѣніе, для насъ страшное—но для нихъ сладостное; деревья преклоняютъ свои вѣтви: они говорятъ, перешептываются; цвѣточки склоняютъ свою головку къ другому, вмѣстѣ съ нимъ родившемуся, и своимъ колебаніемъ выражаютъ знаменитую тихую радость, какъ бы переговариваясь украдкой между собою. Языкъ природы разлитъ посюду. И чувство его столь пламенное, столь горячее, что оно давяетъ самими металлами. Одинаковый металлъ сподобится съ однороднымъ. Языкъ, таинственный узелъ народности, скрѣпляетъ еще болѣе людей между собою“ (Т. I, стр. 76—78).

Авторъ очень вѣрно изобразилъ въ этихъ словахъ православіе, самодержавіе и народность, какъ тройственное основаніе русской жизни и быта. Но одно изъ этихъ основаній, народность, онъ болѣе характеризуетъ какъ чувство, слѣдовательно въ субъективномъ, а не реальномъ, объективномъ значеніи слова. Послѣ весьма внимательнаго чтенія, мы все-таки не могли себѣ уяснить, въ чемъ именно, по мнѣнію автора, заключается русская народность. Въ заключеніе, г. Терещенко говорить о способности русскихъ къ просвѣщенію, о сохраненіи народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ и уклоненіи отъ самобытности. Наклонность къ просвѣщенію доказываетъ авторъ бѣглымъ очеркомъ, хронологическимъ перечнемъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ Россіи, извлеченіемъ изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія о числѣ училищъ и учащихъ съ 1832 года по настоящее время, наконецъ очеркомъ русской литературы со времени Ломоносова. Особенно интереснымъ показался намъ взглядъ на изящную литературу.

„Созданіе русской словесности, въ прямомъ смыслѣ, принадлежитъ Ломоносову. Творецъ языка и слога, онъ первый началъ писать чисто и правильно. Въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, Сумарокова, Кострова и Петрова слогъ возвысился. Тогда возникла у насъ лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзія. Здѣсь прославились Богдановичъ, Хемницеръ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Дмитріевъ, Княжнинъ, Капнинъ, Мелединскій-Мелецкій, Бобринъ, Пажайловъ, кн. Шаховской, Карамзинъ, преобразователь языка и знатокъ изящнаго слога; Муравьевъ (Мих. Ник.), Озеровъ, Шишковъ, Крыловъ, народный баснописецъ; Жуковский, Батюшковъ, Козловъ, Пушкинъ, подражатель, Гнѣдичъ, Грибоедовъ, Востоковъ, Воейковъ, Веневитиновъ, Давыдовъ, бар. Дельпигъ, дѣвица Кузьманъ, графъ Ростопчина, Баратынскій и др. — Гречъ, Булгаринъ и Сеньковский, дали цовое направленіе языку, очистивъ его отъ многихъ застарѣлыхъ грамматическихъ формъ; Кукольникъ, Загоскинъ, Гоголь, Даль,—прославившіеся народными сказками,—всѣ они представили образцы сочиненій въ народномъ

духъ и жизни русской. Но гораздо сильнее и умилительное казалось русское слово, въ сочиненіи Цыганова. Его народныя пѣсни трогательныя и поучительныя, увлекательныя и воспитательныя". (Т. I, стр. 84 и 85).

О народныхъ пѣсняхъ и отношеніи къ нимъ теперешней литературы авторъ выражается весьма краснорѣчиво. Вотъ его мнѣніе:

„Весьма жаль, что многіе изъ нашихъ съ большими способностями литераторовъ, уклонились отъ своей народности, замѣняти русскія выраженія иностранными, и подражали слѣпо чужеземному. Старинныя народныя и нынѣшнія пѣсни убѣждаютъ насъ, что можно писать безъ слѣснаго подражанія къ другимъ народамъ. Какая сила и простота чувствованій сохранились во многихъ нашихъ пѣсняхъ! Какой въ нихъ стройный звукъ, и какая невыразимая пріятность, въ оборотахъ и мысляхъ! Потому что все изложено въ сердца, безъ вымысла, натяжки и раболовной перемичности. Въ нихъ все трогаетъ насъ, потому что оно близко къ нашимъ мыслямъ; потому что все это наше русское, неподдѣльное; все проникнуто любовью къ роднѣ, отечеству. Народныя пѣсни суть драгоценный памятникъ самобитной поэзіи нашей. Это наша слава, безъ подражанія иноземной.—Конечно, пѣсни наши не вездѣ стройны, но полны страстей: печаль льется рѣкою томительныхъ страданій; разочарованная горькая безнадѣжность омываетъ слезами грудь, иссушиваетъ сердце и оно умираетъ безъ утѣшенія; любовь или тонетъ въ морѣ сладостныхъ упоеній, или погибаетъ безъ участія къ пей. Отвага, молодчество, радость, веселіе и забавы, лоснятся безъ хитрыхъ затѣй, складываются въ простотѣ лепета и высказываются по вдохновенію собственнаго сердца". (Т. I, стр. 89 и 90).

Затѣмъ, приведя въ доказательство множество образцовъ русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ, авторъ въ трогательныхъ выраженіяхъ обнаруживаетъ желаніе, чтобы наша литература обратилась, какъ онъ говоритъ, „къ своему собственному назначенію“.

„Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языкомъ и чудесными оборотами, стремилась преимущественно къ своему собственному назначенію. Не надобно заимствовать не свойственнаго намъ; ни красокъ, ни оборотовъ для слова и мысли. У насъ всего въ избыткѣ. Какіхъ хотите народныхъ предметовъ?—Загляните въ отечественную исторію, — тамъ несчетное число событий величественныхъ и печальныхъ, отрадныхъ и убойственныхъ, поучительныхъ и злодѣйскихъ. А гдѣ краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучіе лѣса и бездонныя пропасти, воды и океаны, богатства южныхъ и горючихъ странъ, ужасъ природы отъ береговъ Ледовитаго моря до уполительной роскоши, — предметовъ безчисленное множество! Человѣкъ съ пламенной душою, возвышенной мыслию, чистымъ сердцемъ, съ жаромъ ко всему прекрасному, вѣчному и благородному, найдетъ вездѣ себѣ пищу, — ему не надобно указывать.—Но можно ли найти для предметовъ и красокъ приличные обороты и мысли?—Не только приличные, но возвы-

шенные и глубокіе. Это зависитъ отъ выбора предмета, который часто самъ воодушевляетъ, и отъ мѣста, поражающаго наши чувствованія, потрясающаго душу и вызывающаго, такъ сказать, слова и мысли, на просторъ безпредѣльныхъ размышленій: тутъ онѣ стаями льются, летятъ на вашу думу, на ваше благодарное сердце, умижутъ его жемчужными словами и развернутся предъ вами бриллиантовою струей, въ ослѣпительномъ сіяніи. Рой звонкихъ выраженій и плачевныхъ отголосковъ отзовется въ оледѣвленной душѣ, и солететъ съ лучезарной свѣточью мыслей блестящія украшенія. Повѣрите, можно достигнуть украшеній, надобно умѣть чувствовать. Я уклонился отъ предмета, но онъ такъ близокъ къ нашему сердцу, что немело увлекаетъ. (Ib. стр. 126 и 127).

„Пора уже намъ оставить чужеземные восторги, восхищаться однимъ заморскимъ, и слѣпо думать, что мы не въ состояніи создать собственнаго природнаго; что нашъ языкъ не замѣнитъ приторныхъ выраженій; comme c'est beau! quel joli enfant! Vraiment, c'est un ange! и т. п.—Оставимъ это доказывать прекрасному полу, и кто смѣетъ спорить съ ними? Кто будетъ столько неважливъ, чтобы осмѣлился сказать: судариня! вы ошибаетесь, вы судите ложно!!! Мужчины не одарены пѣвничимъ свойствомъ судить ложно, и не всѣ они такъ пристрастны, какъ римскій императоръ Карлъ V, который утверждалъ, что на испанскомъ языкѣ говорятъ съ Богомъ, на французскомъ съ друзьями, на нѣмецкомъ съ пепирателями, а на италіанскомъ съ женскими положь. — Мы знаемъ, что нашъ языкъ сладкозвученъ и чувствителенъ, троекъ и живописенъ, силенъ и богатъ". (Т. I, стр. 128 и 129).

Объяснивъ, что русскій языкъ „не только существуетъ, но что онъ богатѣйшій въ мірѣ, послѣ арабскаго“ (стр. 130), авторъ благо-разумно предостерегаетъ всѣхъ благомыслящихъ людей противъ двухъ, равно опасныхъ крайностей: излишняго пристрастія къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и къ книжному слогу.

„Мы знаемъ на опытъ, что въ образованномъ обществѣ говорить нарѣчіемъ правильнымъ и очищеннымъ. Это доказывать, что эти люди изучивали его свойство, силу и духъ, что они знаютъ, гдѣ надобно избѣгать не свойственныхъ выраженій, приличныхъ одному какому-нибудь мѣсту, городу или деревнѣ; что они сами признаютъ тотъ правдивый языкъ, который освобожденъ отъ мѣстныхъ привычекъ. Смѣшно было бы, еслибы кто сталъ изъясняться книжными словами. Были примѣры, что многіе изъ прекраснаго пола говорили цѣлыми статьями изъ какого-нибудь любимаго ими романа или повѣсти, написанной, правда, увлекательно, — но это обнаруживаетъ явное непапѣе языка, слѣпой мистъ и тщеславное желаніе блеснуть чужими оборотами выраженій, которыя весьма кстати были сказаны писателями, но изуродованы легкомысленными подражателями". (Т. I, стр. 135 и 136).

Эта истина блистательно подтверждается примѣромъ одного именитаго купца (вѣроятно короткаго знакомаго г. Терещенки), который,

какъ видно, въ самомъ дѣлѣ довелъ злоупотребленіе книжнаго языка до крайности.

„Одинъ пшеничный купецъ, любящій говорить высокопарно, всегда начинаетъ свой разговоръ краснорѣчиво, затвердивъ напередъ тѣмъ украшеній, конхъ не понимаетъ онъ силы, продолжаетъ разговоръ съ жаромъ низкаго и даровитаго витія. Его слушаютъ и не понимаютъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго ораторства для него самого, онъ оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, что у него продается лучшій табакъ, или: ради того чего много, совокупилаго—совокупленія, пріятнаго пріятства, для нашего дружественнаго компанства, — табакъ дешево продаю, и самый лучшій-съ, право-съ, да-съ“ (Т. I, стр. 136, въ вын.).

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій г. Терещенко выводитъ слѣдующее заключеніе:

„Любовь къ собственному счастью рождаетъ любовь къ своему отечеству, благородное честолюбіе каждаго, народную гордость.—Народная гордость не можетъ существовать безъ сознанія собственного достоинства; слава народа не можетъ проявиться безъ любви къ отечеству. Напрасно нѣкоторые говорятъ, что любовь къ отечеству можно внушить умствованіями. Кто не гордится народностію, тотъ не можетъ лить любви ни къ чему родному. Кто не знаетъ, что народность есть истинная любовь, основа къ благоденствію дѣла, тотъ только можетъ быть всемірнымъ гражданиномъ. Божественный свѣтъ религіи, скрѣпляетъ всѣ общественныя связи, а народность утверждаетъ въ любви къ своему отечеству. Религія есть тайный союзъ челоѣка съ Богомъ, внутреннее, неизглаголанное чувство съ небомъ: она выше всего земного, выше всѣхъ мудрыхъ законовъ; по народность есть душа отечества, врожденное чувство ея жизни, невидимая связь соотечественниковъ, сближеніе ея съ другими чувствами, съ другими мыслями, и она вездѣ дѣйствуетъ на землѣ съ самоотверженіемъ, какъ дѣйствовала прежде, — слѣдовательно: народность, есть выраженіе любви къ отечеству.—Но какими образомъ можно приобрести народность? Страшный вопросъ! какъ будто бы народное чувство можно купить, какъ серебряное сердце. Но тотъ, который продаетъ себя, продаетъ себя всѣмъ безотчетно.—Какъ же мы можемъ понять народность, и гдѣ можемъ ее изучать? Вопросъ весьма важный, но отвѣтъ написать въ сердцѣ каждаго русскаго: въ воспитаніи народномъ“ (Т. I, стр. 140—142).

Итакъ, всѣ пространныя разсужденія, историческія и статистическія изслѣдованія, которыми наполнена первая глава, привели автора къ тому окончательному результату, что „народность есть выраженіе любви къ отечеству“. Мы совершенно согласны, что любовь къ отечеству есть чувство, если можно такъ выразиться, посредственное сознаніе народности; но она все же не есть сама народность. Въ чемъ же состоитъ русская народность, что она такое—этого вопроса авторъ не разрѣ-

шилъ. Къ чему же вся глава? Какъ ни справедливы положенія автора, какъ ни роскошенъ и краснорѣчивъ его слогъ—не стоило расточать столько глубокомыслия и таланта, чтобъ доказать, что въ любви къ отечеству выражается чувство народности. Эта истина сама по себѣ такъ очевидна и проста, что ее нечего доказывать; довольно прочесть ее въ эпиграфѣ.

Вторая глава посвящена жилищамъ русскаго народа. Предметъ любопытный! Мы прочли эту главу съ большимъ вниманіемъ, надѣясь въ ней найти подробное описаніе крестьянскаго двора, со всѣми его строеніями, клѣтками, сараями, и т. д. и съ мѣстными названіями разныхъ принадлежностей и частей крестьянскаго жилья. Какую важную услугу оказать бы г. Терещенко русской археологіи такимъ описаніемъ! Сколько темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ пропало бы разомъ! Но мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ. Авторъ взглянулъ на предметъ иначе, нежели мы. Вышло того, чтобъ обратиться къ настоящему и съ его помощью допросить потомъ памятники старины, онъ, напротивъ, углубился въ старину, а о теперешнемъ говоритъ весьма мало, почти ничего. Глава начинается общими разсужденіями о превосходствѣ европейскаго климата передъ климатомъ прочихъ частей свѣта, совсѣмъ не кстати, не у мѣста. Повторяются давно извѣстныя древнѣйшія географическія свѣдѣнія о теперешней Россіи. Мы ихъ называемъ давно извѣстными, потому что авторъ выписываетъ ихъ, кажется, изъ Карамзина, и съ новыми изслѣдованіями мало знакомъ или незнакомъ вовсе. Общая мѣста о томъ, что славяне жили сперва въ лѣсахъ и пещерахъ, потомъ стали строить хижинны—все это разумѣется есть. Собственно археологическая часть предмета обработана типательно. Множество данныхъ о разныхъ жилыхъ строеніяхъ древней Руси собраны авторомъ изъ лѣтописей и иностранныхъ писателей (съ которыми, сколько мы могли замѣтить, онъ хорошо знакомъ) и расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Трудъ конечно полезный; но мы не думаемъ, чтобъ онъ могъ повести къ важнымъ результатамъ, пока во всей подробности не будетъ описано теперешнее крестьянское жилье, ибо многое заставляетъ предполагать, что въ старину крестьянскій домъ и каменные палаты боярина различались только убранствомъ, числомъ покоевъ, а не внутреннимъ расположеніемъ

жились: слѣдовательно, въ устройствѣ теперешней избы съ ея принадлежностями должно искать объясненія отрывочныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ извѣстій о древнихъ зданіяхъ. Тутъ же, не знаемъ зачѣмъ, г. Терещенко говоритъ о пожарахъ, частыхъ въ древности, и разрушавшихъ цѣлые города; о пожарной полиціи, которой первые слѣды открываетъ уже въ XV вѣкѣ, и краснорѣчиво описываетъ дѣйствіе петербургской пожарной команды.

„Ни одна изъ пожарныхъ стражей, быть можетъ во всей Европѣ, сколько мнѣ ни случалось ее тамъ видѣть, не поступаетъ съ такимъ самоотверженіемъ, какъ петербургская. Ужасъ обихаешь, когда смотришь на дѣйствующихъ во время пожара. Сквозь пламень и адъ огни, пожарный служитель взлетаетъ безстрашно на крайнюю высоту зданія: онъ — горитъ! — но онъ не заботится объ этомъ: ему надобно спасать несчастныхъ. Испепеляющій жаръ, дымъ столбомъ, огненное облако искръ, обхвачиваютъ его — онъ погибъ! Итъ, онъ спасаетъ: на своихъ плечахъ онъ выноситъ ребенка, или дряхлаго старца, передаетъ другому, и вновь летитъ спасать, не думая ни о себѣ, ни о своемъ семействѣ! Товарищи его, обожженные и обгорѣлые, отуманенные удручающими облаками дыма и обхвачиваемые огнемъ, — несутъ смерть въ своей груди, но они ничего не видятъ, кромѣ своей обязанности. — Иные, держась одной рукою за лѣстницы и часто вися на воздухѣ, схватываютъ другою остатки имущества несчастнаго; другіе, не зная смерти, кромѣ смерти другихъ, устремляются на огненный костеръ и вырываютъ изъ его вулканическихъ челюстей вопиющихъ о спасеніи. Вотъ уже валяется брелокъ, разсыпается дождь съ ужаснымъ громоу, пылю не сопротивляется сокрушительной силѣ. Но одинъ противникъ русскій! Онъ дѣйствуетъ безрешетно, идетъ на встрѣчу смерти, и если падаетъ подъ грудой развалинъ, то умираетъ съ благороднѣйшимъ самопожертвованіемъ, свойственнымъ русскому“.

Въ этой главѣ находимъ далѣе кое-что о строительномъ устройствѣ и теперешнихъ строеніяхъ: о куреняхъ, мазанкахъ, хатахъ, о числѣ домовъ въ Россіи, объ улучшеніи городовъ; исчисляется, сколько въ городѣ фабрики, заводы, трактировъ, питейныхъ домовъ и рабочихъ людей. Очевидно, авторъ не упустилъ себѣ задачи: говорить о томъ, что нейдетъ къ дѣлу, не упоминаетъ о главномъ, существенномъ. Впрочемъ, это отличительная черта всего сочиненія: оно колеблется между статистикой и бытоописаніемъ, археологическимъ изслѣдованіемъ и курсомъ краснорѣчія и нравственности, но ни одному изъ этихъ назначеній не удовлетворяетъ вполне. А все оттого, что планъ неопредѣленъ! Кромѣ того, мы замѣтили во второй главѣ нѣсколько ошибокъ; такъ, въ примѣчаніи на 153 стр. сказано, что

церкви назывались у насъ ропатами. Но такъ назывались только иновѣрческія, а не православныя. На стр. 188 авторъ говоритъ, что зарубки, которыми связывается четыре бревна въ рубленыхъ стропилѣхъ, называются вѣнцами. Но вѣнцомъ называется весь четырехъ-угольникъ изъ бревенъ, связанный такими зарубками. На 191 стр. читаемъ: „Между куренями возвышались насыпи или курганы, которые нечто иное были, какъ сторожевые; по нимъ давали знать о движеніи неприятелей или хищническихъ набѣгахъ, — но въ ихъ курганахъ никакихъ не открывали сокровищъ, потому что они служили маяками“. Это мнѣніе совершенно опровергается новѣйшими изслѣдованіями о курганахъ; они могли служить для сторожей, но происхожденіе ихъ нельзя этимъ объяснить, и, сколько можно заключать уже теперь, всѣ они восходятъ къ глубочайшей древности и суть могилы.

Третья глава посвящена домоводству. Чтѣ должно составлять ея предметъ? По нашему мнѣнію, подробное и по возможно большому числу губерній составленное описаніе домашняго и полевого хозяйства крестьянской семьи; исчисленіе домашней крестьянской утвари, земледѣльческихъ и другихъ орудій, употребляемыхъ въ обыкновенномъ домашнемъ крестьянскомъ быту, съ ихъ мѣстными названіями; обзоръ крестьянскаго будничнаго дня въ разные времена года, занятій по хозяйству отъ утра до вечера; подробное описаніе, какъ крестьянская семья воздѣлываетъ землю, кормитъ и содержитъ лошадей, домашній скотъ и птицу; какія наблюдаются при этомъ примѣты, суевѣрные обряды, и т. д. Вотъ статьи о домоводствѣ въ сочиненіи: „Бытъ русскаго народа“. Чтѣ жъ мы находимъ вмѣсто того? — описаніе кушаній и питей, старинныхъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ, введенныхъ въ Россію. Кромѣ того о табакѣ, курительномъ и нюхательномъ. И только. Конечно, и это могло бы войти въ обзоръ домоводства, но какъ только это наполнило всю главу о домоводствѣ — не можемъ понять. Забавно, что даже въ описаніи пищи, питья и табаку авторъ не удерживается въ границахъ простого, историческаго повѣствованія, а поучаетъ. Вотъ нѣкоторые назиданія. Они курезны.

„Нѣтъ досаднѣе смотрѣть, какъ женщины предаются нюханію, особенно если видишь красавицу, окруженную роемъ поклонниковъ, и созданную для однихъ похлѣуевъ. Буало хорошо выразился на этотъ счетъ: